Умскул

Универсальные произведения для ИС

Грамотным быть модно

Александр Долгих

ЕГЭ

Русский язык

Текст 1. Б.Л. Васильев «Не стреляйте в белых лебедей»

Когда вхожу в лес, я слышу Егорову жизнь. В хлопотливом лепете осинников, в сосновых вздохах, в тяжёлом взмахе еловых лап. И я ищу Егора. Я нахожу его в июньском краснолесье – неутомимого и неунывающего. Я встречаю его в осенней мокряди – серьёзного и взъерошенного. Я жду его в морозной тишине – задумчивого и светлого. Я вижу его в весеннем цветении – терпеливого и нетерпеливого одновременно. И всегда поражаюсь, каким же он может быть разным – разным для людей и разным для себя. И разной была его жизнь – жизнь для себя и жизнь для людей. А может быть, все жизни разные? Разные для себя и разные для людей? Только всегда ли есть сумма в этих разностях?

Представляясь или являясь разными, всегда ли мы едины в своём существе?

Егор был единым, потому что всегда был самим собой. Он не умел и не пытался казаться иным – ни лучше, ни хуже. И поступал не по соображениям ума, не с дальним прицелом, не для одобрения свыше, а по совести, так, как велела совесть.

Вот не задалась у Егора Полушкина на новом месте привычная работа. Правда первых два месяца, когда топориком для Фёдора Ипатовича от солнышка до солнышка позванивал, всё вроде нормально шло. Фёдор Ипатович хоть и руководил им, однако взашей не подталкивал, свою выгоду соблюдая. Мастера торопить нельзя, мастер – сам себе голова: это всякий хозяин сообразит. И хоть и бегал вокруг, и кипятил кровь, а особо подгонять не решался. И Егор работал, как сердце велело: где поднажать, где передохнуть, а где и отойти, присесть на брёвнышко, на работу со стороны глянуть. Да не торопливо, не в задыхе спокойно, вглядчиво, на три цигарки. За эту работу кормили его с семейством ежедень, штаны старые дали и домишко. В общем, Егор не сетовал, не обижался: по закону, по сговору всё было сделано. Полмесяца он в новом жилье устраивался, неделю радовался, а потом пошёл работу искать. Не за ради дома да удобства родственника – за ради хлебушка.

Плотник есть плотник: за ним всегда работа бегает – не он за работой. Тем более что весь посёлок труд Егоров видел, да и петух, его топором сработанный, с конька на весь белый свет кукарекал. Так что взяли Егора, можно сказать, с поясным поклоном в плотницкую бригаду местной строительной конторы. Взять-то взяли, а через полмесяца...

– Полушкин! Ты сколько дён стенку лизать будешь?
– Дык ведь это... Доска с доской не сходится.
– Тебе, что ль, тут жить? У нас план горит, премиальные...
– Дык ведь для людей же...
– Слазь с лесов! Давай на новый объект!
– Дык ведь щели.
– Слазь, тебе говорят!..

Слезал Егор. Слезал, шёл на новый объект, стыдясь оглянуться на собственную работу.

И с нового объекта тоже слезал под сочную ругань бригадира, и снова куда-то шёл, на какой-то самоновейший объект, снова делал что-то где-то, топором тюкал, и снова волокли его, не давая возможности сделать так, чтобы не маялась совесть. А через месяц вдруг швырнул Егор казённые рукавицы, взял личный топор и притопал домой за пять часов до конца работы.

– Не могу я там, Тинушка, ты уж не серчай. Не дело у них – понарошка какая-то.
– Ах горе ты моё, бедоносец юродивый!..
– Да уж что уж. Стало быть, так, раз оно не этак.

Откочевал он в другую бригаду, потом в другую контору, потом ещё куда-то.

Мыкался, маялся, ругань терпел, но этой поскаковской работы терпеть никак не мог научиться. И мотало его по объектам да бригадам, пока не перебрал он их все, что были в посёлке. А как перебрал, так и отступился: в разнорабочие пошёл. Это, стало быть, куда пошлют да что велят.

И здесь, однако, не всё у него гладко сходилось. Но в мае — только земля вздохнула – определили его траншею копать. Прораб лично по верёвке трассу ему отбил, колышков натыкал, чтоб линия была, по лопате глубину отметил:

– Вот до сих, Полушкин. И чтоб по ниточке.
– Ну, понимаем.
– Грунт в одну сторону кидай, не разбрасывай.
– Ну, дык...
– Нормы не задаю: мужик ты совестливый. Но чтоб...
– Нет тут вашего беспокойства.
– Ну, добро, Полушкин. Приступай.

Поплевал Егор на руки, приступил. Землица сочная была, пахучая, лопату прижимала легко и к полотну не липла. И тянуло от неё таким родным, таким ласковым, таким добрым теплом, что Егору стало вдруг радостно и на душе уютно. И копал он с таким старанием, усердием да удовольствием, с каким работал когда-то в родимой деревеньке. А тут майское солнышко, воробьи озоруют, синь небесная да воздух звонкий! И потому Егор, про перекуры забыв, и дно выглаживал, и стеночки обрезал, и траншея за ним еле поспевала.

– Молоток ты, Полушкин! – бодро сказал прораб, заглянувший через три часа ради успокоения. – Не роешь, а пишешь, понимаешь!

Борис Львович Васильев – русский советский писатель и сценарист

Текст 2. А.И. Куприн «Чудесный доктор»

В этот ужасный, роковой год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправился, он узнал, что его место, скромное место управляющего домом на двадцать пять рублей в месяц, занято уже другим... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожным местом, залог и перезалог вещей, продажа всякого хозяйственного тряпья. А тут еще пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания. Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она поденно стирала белье.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, клянча и унижаясь повсюду; Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговаривались или праздничными хлопотами, или неимением денег... Иные, как, например, швейцар бывшего патрона, просто-напросто гнали просителей с крыльца.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с сундука, на котором он до сих пор сидел, и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрепанную шляпу.

– Куда ты? – тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцалов, взявшийся уже за ручку двери, обернулся.

– Все равно, сидением ничего не поможешь, – хрипло ответил он. – Пойду еще... Хоть милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу, он пошел бесцельно вперед. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он давно уже пережил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство от неизвестного троюродного дядюшки. Теперь им овладело неудержимое желание бежать куда попало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

Просить милостыни? Он уже попробовал это средство сегодня два раза. Но в первый раз какой-то господин в енотовой шубе прочел ему наставление, что надо работать, а не клянчить, а во второй – его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды густого общественного сада. Так как ему пришлось все время идти в гору, то он запыхался и почувствовал усталость. Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесенных снегом, опустился на низкую садовую скамейку.

Тут было тихо и торжественно. Деревья, окутанные в свои белые ризы, дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек снега, и слышно было, как он шуршал, падая и цепляясь за другие ветви.

Глубокая тишина и великое спокойствие, сторожившие сад, вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствия, такой же тишины.

«Вот лечь бы и заснуть, – думал он, – и забыть о жене, о голодных детях, о больнойМашутке». Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую веревку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного.

«Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?» Он уже хотел встать, чтобы исполнить свое страшное намерение, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчетливо раздавшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шел по аллее. Сначала был виден огонек то вспыхивающей, то потухающей сигары.

Потом Мерцалов мало-помалу мог разглядеть старика небольшого роста, в теплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

– Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в обоюдном молчании, в продолжение которого незнакомец курил сигару и (Мерцалов это чувствовал) искоса наблюдал за своим соседом.

– Ночка-то какая славная, – заговорил вдруг незнакомец. – Морозно... тихо. Что за прелесть – русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

– А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, – продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свертков). – Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, нелепо размахивая руками и задыхаясь:

– Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки с голоду дома подыхают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребенок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдет, но он ошибся. Старик приблизил к нему свое умное, серьезное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьезным тоном:

– Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне все по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей утайки, но страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере места, о смерти ребенка, обо всех своих несчастиях, вплоть до нынешнего дня. Незнакомец слушал, не перебивая его ни словом, и только все пытливее и пристальнее заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущенной души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил со своего места и схватил Мерцалова за руку.

Мерцалов невольно тоже встал.

– Едемте! – сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова. – Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встретились с врачом. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поедемте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью, зарывшись лицом в грязные, замаслившиеся подушки. Мальчишки хлебали борщ, сидя на тех же местах. Испуганные долгим отсутствием отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слезы по лицу грязными кулаками и обильно проливая их в закопченный чугунок. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и, оставшись в старомодном, довольно поношенном сюртуке, подошел к Елизавете Ивановне. Она даже не подняла головы при его приближении.

– Ну, полно, полно, голубушка, – заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине. – Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучавшее в его голосе, заставило Елизавету Ивановну мигом подняться с постели и беспрекословно исполнить все, что говорил доктор. Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Володя раздувал изо всех сил самовар, Елизавета Ивановна обворачивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок и достать в ближайшем трактире горячей пищи.

Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыл написанное чайным блюдечком и сказал:

– Вот с этой бумажкой вы пойдете в аптеку... давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малютки отхаркивание... Продолжайте согревающий компресс... Кроме того, хотя бы вашей дочери и сделалось лучше, во всяком случае пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Затем прощайте, господа! Дай Бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнесся к вам, чем этот, а главное – не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, все еще не оправившимся от изумления, и потрепав мимоходом по щеке разинувшего рот Володю, доктор быстро всунул свои ноги в глубокие калоши и надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним.

Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

– Доктор! Доктор, постойте!.. Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

И он водил в воздухе руками, чтобы поймать невидимого доктора. Но в это время в другом конце коридора спокойный старческий голос произнес:

– Э! Вот еще пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорей!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля.

На аптечном ярлыке, прикрепленном к пузырьку с лекарством, четкою рукою аптекаря было написано: «По рецепту профессора Пирогова».

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова – брата Машутки. Теперь он занимает довольно крупный, ответственный пост в одном из банков, слывя образцом честности и отзывчивости на нужды бедности. И каждый раз, заканчивая свое повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрываемых слез:

– С этих пор точно благодетельный ангел снизошел в нашу семью. Все переменилось. В начале января отец отыскал место, Машутка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию на казенный счет. Просто чудо совершил этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор – это когда его перевозили мертвого в его собственное имение Вишню. Да и то не его видели, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невозвратимо.

Александр Иванович Куприн – русский писатель, переводчик

Текст 3. Александр Грин «Зеленая лампа»

В Лондоне в 1920 году, зимой, на углу Пикадилли и одного переулка, остановились двое хорошо одетых людей среднего возраста. Они только что покинули дорогой ресторан. Там они ужинали, пили вино и шутили с артистками из Дрюриленского театра.

Теперь внимание их было привлечено лежащим без движения, плохо одетым человеком лет двадцати пяти, около которого начала собираться толпа.

– Стильтон! – брезгливо сказал толстый джентльмен высокому своему приятелю, видя, что тот нагнулся и всматривается в лежащего. – Честное слово, не стоит так много заниматься этой падалью. Он пьян или умер.
– Я голоден... и я жив, – пробормотал несчастный, приподнимаясь, чтобы взглянуть на Стильтона, который о чем-то задумался. – Это был обморок.
– Реймер! – сказал Стильтон. – Вот случай проделать шутку. У меня явился интересный замысел. Мне надоели обычные развлечения, а хорошо шутить можно только одним способом: делать из людей игрушки.

Эти слова были сказаны тихо, так что лежавший, а теперь прислонившийся к ограде человек их не слышал.

Реймер, которому было все равно, презрительно пожал плечами, простился со Стильтоном и уехал коротать ночь в свой клуб, а Стильтон, при одобрении толпы и при помощи полисмена, усадил беспризорного человека в кэб.

Экипаж направился к одному из трактиров Гайстрита. Беднягу звали Джон Ив. Он приехал в Лондон из Ирландии искать службу или работу. Ив был сирота, воспитанный в семье лесничего. Кроме начальной школы, он не получил никакого образования. Когда Иву было 15 лет, его воспитатель умер, взрослые дети лесничего уехали – кто в Америку, кто в Южный Уэльс, кто в Европу, и Ив некоторое время работал у одного фермера. Затем ему пришлось испытать труд углекопа, матроса, слуги в трактире, а в 22 года он заболел воспалением легких и, выйдя из больницы, решил попытать счастья в Лондоне. Но конкуренция и безработица скоро показали ему, что найти работу не так легко. Он ночевал в парках, на пристанях, изголодался, отощал и был, как мы видели, поднят Стильтоном, владельцем торговых складов в Сити.

Стильтон в 40 лет изведал все, что может за деньги изведать холостой человек, не знающий забот о ночлеге и пище. Он владел состоянием в 20 миллионов фунтов. То, что он придумал проделать с Ивом, было совершенной чепухой, но Стильтон очень гордился своей выдумкой, так как имел слабость считать себя человеком большого воображения и хитрой фантазии.

Когда Ив выпил вина, хорошо поел и рассказал Стильтону свою историю, Стильтон заявил:

– Я хочу сделать вам предложение, от которого у вас сразу блеснут глаза. Слушайте: я выдаю вам десять фунтов с условием, что вы завтра же наймете комнату на одной из центральных улиц, на втором этаже, с окном на улицу. Каждый вечер, точно от пяти до двенадцати ночи, на подоконнике одного окна, всегда одного и того же, должна стоять зажженная лампа, прикрытая зеленым абажуром. Пока лампа горит назначенный ей срок, вы от пяти до двенадцати не будете выходить из дому, не будете никого принимать и ни с кем не будете говорить. Одним словом, работа нетрудная, и, если вы согласны так поступить, – я буду ежемесячно присылать вам десять фунтов. Моего имени я вам не скажу.
– Если вы не шутите, – отвечал Ив, страшно изумленный предложением, – то я согласен забыть даже собственное имя. Но скажите, пожалуйста, – как долго будет длиться такое мое благоденствие?
– Это неизвестно. Может быть, год, может быть, – всю жизнь.
– Еще лучше. Но – смею спросить – для чего понадобилась вам эта зеленая иллюминация?
– Тайна! – ответил Стильтон. – Великая тайна! Лампа будет служить сигналом для людей и дел, о которых вы никогда не узнаете ничего.
– Понимаю. То есть ничего не понимаю. Хорошо; гоните монету и знайте, что завтра же по сообщенному мною адресу Джон Ив будет освещать окно лампой!

Так состоялась странная сделка, после которой бродяга и миллионер расстались, вполне довольные друг другом.

Прощаясь, Стильтон сказал:

– Напишите до востребования так: «3 – 33 – 6». Еще имейте в виду, что неизвестно, когда, может быть, через месяц, может быть, – через год, – словом, совершенно неожиданно, внезапно вас посетят люди, которые сделают вас состоятельным человеком. Почему это и как – я объяснить не имею права. Но это случится...
– Черт возьми! – пробормотал Ив, глядя вслед кэбу, увозившему Стильтона, и задумчиво вертя десятифунтовый билет. – Или этот человек сошел с ума, или я счастливчик особенный. Наобещать такую кучу благодати, только за то, что я сожгу в день пол-литра керосина.

Вечером следующего дня одно окно второго этажа мрачного дома № 52 по Ривер-стрит сияло мягким зеленым светом. Лампа была придвинута к самой раме.

Двое прохожих некоторое время смотрели на зеленое окно с противоположного дому тротуара; потом Стильтон сказал:

– Так вот, милейший Реймер, когда вам будет скучно, приходите сюда и улыбнитесь. Там, за окном, сидит дурак. Дурак, купленный дешево, в рассрочку, надолго. Он сопьется от скуки или сойдет с ума... Но будет ждать, сам не зная чего. Да вот и он!

Действительно, темная фигура, прислонясь лбом к стеклу, глядела в полутьму улицы, как бы спрашивая: «Кто там? Чего мне ждать? Кто придет?»

– Однако вы тоже дурак, милейший, – сказал Реймер, беря приятеля под руку и увлекая его к автомобилю. – Что веселого в этой шутке?
– Игрушка... игрушка из живого человека, – сказал Стильтон, – самое сладкое кушанье.

В 1928 году больница для бедных, помещающаяся на одной из лондонских окраин, огласилась дикими воплями: кричал от страшной боли только что привезенный старик, грязный, скверно одетый человек с истощенным лицом. Он сломал ногу, оступившись на черной лестнице темного притона.

Пострадавшего отнесли в хирургическое отделение. Случай оказался серьезный, так как сложный перелом кости вызвал разрыв сосудов.

По начавшемуся уже воспалительному процессу тканей хирург, осматривавший беднягу, заключил, что необходима операция. Она была тут же произведена, после чего ослабевшего старика положили на койку, и он скоро уснул, а проснувшись, увидел, что перед ним сидит тот самый хирург, который лишил его правой ноги.

– Так вот как пришлось нам встретиться! – сказал доктор, серьезный, высокий человек с грустным взглядом. – Узнаете ли вы меня, мистер Стильтон? Я – Джон Ив, которому вы поручили дежурить каждый день у горящей зеленой лампы. Я узнал вас с первого взгляда.
– Тысяча чертей! – пробормотал, вглядываясь, Стильтон. – Что произошло? Возможно ли это?
– Да. Расскажите, что так резко изменило ваш образ жизни?
– Я разорился... несколько крупных проигрышей... паника на бирже... Вот уже три года, как я стал нищим. А вы? Вы?
– Я несколько лет зажигал лампу, – улыбнулся Ив, – и вначале от скуки, а потом уже с увлечением начал читать все, что мне попадалось под руку. Однажды я раскрыл старую анатомию, лежавшую на этажерке той комнаты, где я жил, и был поражен. Передо мной открылась увлекательная страна тайн человеческого организма. Как пьяный, я просидел всю ночь над этой книгой, а утром отправился в библиотеку и спросил: «Что надо изучить, чтобы сделаться доктором?» Ответ был насмешлив: «Изучите математику, геометрию, ботанику, зоологию, морфологию, биологию, фармакологию, латынь и т. д.» Но я упрямо допрашивал, и я все записал для себя на память.

К тому времени я уже два года жег зеленую лампу, а однажды, возвращаясь вечером (я не считал нужным, как сначала, безвыходно сидеть дома 7 часов), увидел человека в цилиндре, который смотрел на мое зеленое окно не то с досадой, не то с презрением. «Ив – классический дурак! – пробормотал тот человек, не замечая меня. – Он ждет обещанных чудесных вещей... да, он хоть имеет надежду, а я... я почти разорен!» Это были вы. Вы прибавили: «Глупая шутка. Не стоило бросать денег».

У меня было куплено достаточно книг, чтобы учиться, учиться и учиться, несмотря ни на что. Я едва не ударил вас тогда же на улице, но вспомнил, что благодаря вашей издевательской

щедрости могу стать образованным человеком...

– А дальше? – тихо спросил Стильтон.
– Дальше? Хорошо. Если желание сильно, то исполнение не замедлит. В одной со мной квартире жил студент, который принял во мне участие и помог мне, года через полтора, сдать экзамены для поступления в медицинский колледж. Как видите, я оказался способным человеком...

Наступило молчание.

– Я давно не подходил к вашему окну, – произнес потрясенный рассказом Ива Стильтон, – давно... очень давно. Но мне теперь кажется, что там все еще горит зеленая лампа... лампа, озаряющая темноту ночи. Простите меня.

Ив вынул часы.

– Десять часов. Вам пора спать, – сказал он. – Вероятно, через три недели вы сможете покинуть больницу. Тогда позвоните мне, – быть может, я дам вам работу в нашей амбулатории: записывать имена приходящих больных. А спускаясь по темной лестнице, зажигайте... хотя бы спичку.

Александр Грин – русский писатель, прозаик и поэт

Место для записей

Текст 4. Ричард Матесон «Кнопка, кнопка»

Пакет лежал прямо у двери – картонная коробка, на которой от руки были написаны их фамилия и адрес: «Мистеру и миссис Льюис, 217E, Тридцать седьмая улица, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10016».

Внутри оказалась маленькая деревянная коробка с единственной кнопкой, закрытой стеклянным колпачком. Норма попыталась снять колпачок, но он не поддавался. К днищу коробочки липкой лентой был прикреплён сложенный листок бумаги: «Мистер Стюарт зайдёт к вам в 20.00».

Норма перечитала записку, отложила ее в сторону и, улыбаясь, пошла на кухню готовить салат.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

– Я открою! – крикнула Норма из кухни. Артур читал в гостиной.

В коридоре стоял невысокий мужчина.

– Миссис Льюис? – вежливо осведомился он. – Я мистер Стюарт.
– Ах, да... – Норма с трудом подавила улыбку. Теперь она была уверена, что это рекламный трюк торговца.
– Разрешите войти? – спросил мистер Стюарт.
– Я сейчас занята. Так что, извините, просто вынесу вам вашу...
– Вы не хотите узнать, что это?

Норма молча повернулась.

– Это может оказаться выгодным...
– В денежном отношении? – вызывающе спросила она. Мистер Стюарт кивнул.
– Именно.

Норма нахмурилась.

– Что вы продаете?
– Я ничего не продаю, – ответил он.

Из гостиной вышел Артур.

– Какое-то недоразумение?

Мистер Стюарт представился.

– А-а, эта штуковина... – Артур кивнул в сторону гостиной и улыбнулся. – Что это вообще такое?

– Я постараюсь объяснить, – сказал мистер Стюарт. – Разрешите войти?

Артур взглянул на Норму.

– Как знаешь, – сказала она.

Он заколебался.

– Ну что ж, заходите.

Они прошли в гостиную. Мистер Стюарт сел в кресло и вытащил из внутреннего кармана пиджака маленький запечатанный конверт.

– Внутри находится ключ к колпачку, закрывающему кнопку, – пояснил он и положил конверт на журнальный столик. – Кнопка соединена со звонком в нашей конторе.
– Зачем? – спросил Артур.
– Если вы нажмете кнопку, – сказал мистер Стюарт, – где-то в мире умрёт незнакомый вам человек, и вы получите пятьдесят тысяч долларов.

Норма уставилась на посетителя широко раскрытыми глазами.

Тот улыбался.

– О чем вы говорите? – недоуменно спросил Артур.

Мистер Стюарт был удивлён.

– Но я только что объяснил.
– Это что, шутка?
– При чем тут шутка? Совершенно серьёзное предложение...
– Кого вы представляете? – перебила Норма.

Мистер Стюарт смутился.

– Боюсь, что я не могу ответить на этот вопрос. Тем не менее заверяю вас, что наша организация очень сильна.
– По-моему, вам лучше уйти, – заявил Артур, поднимаясь.

Мистер Стюарт встал с кресла.

– Пожалуйста.
– И захватите вашу кнопку.
– А может, подумаете день-другой?

Артур взял коробку и конверт и вложил их в руки мистера Стюарта. Потом вышел в прихожую и распахнул дверь.

– Я оставлю свою карточку. — Мистер Стюарт положил на столик возле двери визитную карточку и ушел.

Артур порвал ее пополам и бросил на стол.

– Как по-твоему, что все это значит? – спросила с дивана Норма.
– Мне плевать.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла.

– И ни капельки не любопытно?..

Потом Артур стал читать, а Норма вернулась на кухню и закончила мыть посуду.

– Почему ты отказываешься говорить об этом? – спросила Норма.

Не прекращая чистить зубы, Артур поднял глаза и посмотрел на ее отражение в зеркале ванной.

– Разве тебя это не интригует?
– Меня это оскорбляет, – сказал Артур.
– Я понимаю, но... – Норма продолжала накручивать волосы на бигуди, – но ведь и интригует?..

– Ты думаешь, это шутка? – спросила она уже в спальне.
– Если шутка, то дурная.

Норма села на кровать и сбросила тапочки.

– Может быть, это психологи проводят какие-то исследования.

Артур пожал плечами.

– Может быть.
– Ты не хотел бы узнать?

Он покачал головой.

– Но почему?
– Потому что это аморально.

Норма забралась под одеяло. Артур выключил свет и наклонился поцеловать её.

– Спокойной ночи...

Норма сомкнула веки. Пятьдесят тысяч долларов, подумала она.

Утром, выходя из квартиры, Норма заметила на столе кусочки разорванной карточки. Повинуясь внезапному порыву, она кинула их в свою сумочку.

Во время перерыва она склеила карточку скотчем. Там были напечатаны только имя мистера Стюарта и номер телефона.

Ровно в пять она набрала номер.

– Слушаю, – раздался голос мистера Стюарта.

Норма едва не повесила трубку, но сдержала себя.

– Это миссис Льюис.
– Да, миссис Льюис? – Мистер Стюарт, казалось, был доволен.
– Мне любопытно.

– Естественно.
– Разумеется, я не верю ни одному слову.
– О, это чистая правда, – сказал мистер Стюарт.
– Как бы там ни было... – Норма сглотнула. – Когда вы говорили, что кто-то в мире умрёт, что вы имели в виду?
– Именно то, что говорил. Это может оказаться кто угодно. Мы гарантируем лишь, что вы не знаете этого человека. И, безусловно, что вам не придется наблюдать его смерть.
– За пятьдесят тысяч долларов?
– Совершенно верно.

Она насмешливо хмыкнула.

– Чертовщина какая-то...
– Тем не менее таково наше предложение, – сказал мистер Стюарт. – Занести вам прибор?
– Конечно, нет! – Норма с возмущением бросила трубку.

Пакет лежал у двери. Норма увидела его, как только вышла из лифта. Какая наглость! – подумала она. Я просто не возьму его. Она вошла в квартиру и стала готовить обед. Потом вышла за дверь, подхватила пакет и отнесла его на кухню, оставив на столе.

Норма сидела в гостиной, потягивая коктейль и глядя в окно. Немного погодя она пошла на кухню переворачивать котлеты и положила пакет в нижний ящик шкафа. Утром она его выбросит.

– Может быть, забавляется какой-то эксцентричный миллионер, – сказала она.

Артур оторвался от обеда.

– Я тебя не понимаю.

Они ели в молчании. Неожиданно Норма отложила вилку.

– А что, если это всерьёз?
– Ну и что тогда? – Он недоверчиво пожал плечами. – Что бы ты хотела – вернуть это устройство и нажать кнопку? Убить кого-то?

На лице Нормы появилось отвращение.

– Так уж и убить...
– А что же это, по-твоему?
– Но ведь мы даже не знаем этого человека.

Артур был потрясён.

– Ты говоришь серьёзно?
– Ну, а если это какой-нибудь старый китайский крестьянин за десять тысяч миль отсюда? Какой-нибудь больной туземец в Конго?
– А если это какая-нибудь малютка из Пенсильвании? – возразил Артур. – Прелестная девушка с соседней улицы?

– Ты нарочно все усложняешь.
– Какая разница, кто умрёт? – продолжал Артур. – Все равно это убийство.
– Значит, даже если это кто-то, кого ты никогда в жизни не видел и не увидишь, – настаивала Норма, – кто-то, о чьей смерти ты даже не узнаешь, ты все равно не нажмешь кнопку?

Артур поражённо уставился на нее.

– Ты хочешь сказать, что ты нажмешь?
– Пятьдесят тысяч долларов.
– При чем тут...
– Пятьдесят тысяч долларов, Артур, – перебила Норма. – Мы могли бы позволить себе путешествие в Европу, о котором всегда мечтали.
– Норма, нет.
– Мы могли бы купить тот коттедж...
– Норма, нет. – Его лицо побелело. – Ради бога, перестань.

Норма пожала плечами.

– Как угодно.

Она поднялась раньше, чем обычно, чтобы приготовить на завтрак Артуру блины, яйца и бекон.

– По какому поводу? – с улыбкой спросил Артур.
– Без всякого повода. – Норма обиделась. – Просто так.
– Отлично. Мне очень приятно.

Она наполнила его чашку. Артур молчал.

– Наш разговор о кнопке, – напомнила Норма. – Я думаю, что ты неправильно меня понял.
– В каком отношении? – спросил он настороженным голосом.
– Ты решил, – она снова сделала жест рукой, – что я думаю только о себе...
– А-а...
– Так вот, нет. Когда я говорила о Европе, о коттедже...
– Норма, почему это тебя так волнует?
– Я всего лишь пытаюсь объяснить, – она судорожно вздохнула, – что думала о нас. Чтобы мы поездили по Европе. Чтобы мы купили коттедж. Чтобы у нас была лучше квартира, лучше мебель, лучше одежда. Чтобы мы, наконец, позволили себе ребёнка, между прочим.
– Ты что, серьёзно? – Он опешил. – Серьезно утверждаешь...
– Я утверждаю, что это какие-то исследования! – оборвала она. – Что они хотят выяснить, как поступит средний человек при таких обстоятельствах! Что они просто говорят, что кто-то умрёт, чтобы изучить нашу реакцию! Ты ведь не считаешь, что они действительно кого-нибудь убьют?!

Артур не ответил; его руки дрожали. Через некоторое время он поднялся и ушел.

Норма осталась за столом, отрешённо глядя в кофе. Мелькнула мысль: «Я опоздаю на работу...» Она пожала плечами. Ну и что? Она вообще должна быть дома, а не торчать

в конторе...

Убирая посуду, она вдруг остановилась, вытерла руки и достала из нижнего ящика пакет. Норма положила коробочку на стол, вынула из конверта ключ и удалила колпачок. Долгое время она сидела, глядя на кнопку. Как странно... ну что в ней особенного?

Норма вытянула руку и нажала на кнопку. Ради нас, раздражённо подумала она.

Что теперь происходит? На миг ее захлестнула волна ужаса.

Волна быстро схлынула. Норма презрительно усмехнулась. Нелепо – так много уделять внимания ерунде.

Она швырнула коробочку, колпачок и ключ в мусорную корзину и пошла одеваться.

Она жарила на ужин отбивные, когда зазвонил телефон. Она поставила стакан с водкой-мартини и взяла трубку.

– Алло?
– Миссис Льюис?
– Да.
– Вас беспокоят из больницы «Легокс хилл».

Норма слушала будто в полусне. В толкучке Артур упал с платформы прямо под поезд метро. Несчастный случай.

Повесив трубку, она вспомнила, что Артур застраховал свою жизнь на двадцать пять тысяч долларов, с двойной компенсацией при...

Нет. С трудом поднявшись на ноги, Норма побрела на кухню и достала из корзины коробочку с кнопкой. Никаких гвоздей или шурупов... Вообще непонятно, как она была собрана.

Внезапно Норма стала колотить ею о край раковины, ударяя все сильнее и сильнее, пока дерево не треснуло. Внутри ничего не оказалось – ни транзисторов, ни проводов... Коробка была пуста.

Норма вздрогнула, когда зазвонил телефон. На подкашивающихся ногах она прошла в гостиную и взяла трубку.

Раздался голос мистера Стюарта.

– Вы говорили, что я не буду знать того, кто умрёт!
– Моя дорогая миссис Льюис, – сказал мистер Стюарт. – Неужели вы в самом деле думаете, что знали своего мужа?

Ричард Матесон – американский писатель и сценарист

Текст 5. Ч.Т. Айтматов «Плаха»

Певцов было десять человек, только десять. Все в одинаковых чёрных концертных костюмах, белых манишках. И ни тебе инструментов, ни микрофонов, ни эстрадных звукоусилителей и никаких, конечно, световых манипуляторов – просто в зале несколько приглушили свет.

И хотя я был уверен, что сюда собрались слушатели, имеющие представление, что такое капелла, мне стало страшно за певцов. Молодёжь наша привыкла к электронному громогласию, а они — как безоружные солдаты на поле боя. Певцы стали плотно плечом к плечу, образовав небольшое полукружие. Лица их были спокойны и сосредоточенны. И все они почему-то казались похожими друг на друга. Возможно, потому, что в этот час ими владела общая забота, общая готовность, единый душевный порыв.

И вот по кивку стоящего справа, видимо, ведущего в группе, они запели. И голоса взлетели...

Зал был покорён, зачарован, повергнут в раздумье; каждому представился случай самому примкнуть к тому, что веками слагалось в трагических заблуждениях и озарениях разума. И в то же время воображение увлекало каждого в тот неясный, но всегда до боли желанный мир, слагающийся из собственных воспоминаний, грёз, тоски, укоров совести, из утрат и радостей, изведанных человеком на его жизненном пути.

Я не понимал и, по правде говоря, не очень и желал понимать, что происходило со мной в тот час, что приковало мои мысли, чувства с такой неотразимой силой к этим десятерым певцам, но гимны, которые они распевали, словно исходили от меня, от моих собственных побуждений, от накопившихся болей, тревог и восторгов, до сих пор не находивших во мне выхода, и, освобождаясь от них и одновременно наполняясь новым светом и прозрением, я постигал благодаря искусству этих певцов изначальную сущность музыки.

Когда открытие делаешь для себя, всё в тебе согласно, и наступает просветление души. И на той волне нахлынувшего просветления подумалось вдруг: откуда всё это в человеке – музыка, песни, молитвы, какая необходимость была и есть в них? Возможно, от подсознательного ощущения трагичности своего пребывания в круговороте жизни, когда всё приходит и всё уходит, вновь приходит и вновь уходит, и человек надеется таким способом выразить, обозначить, увековечить себя. Ведь когда через миллиарды лет планета наша умрёт, померкнет, какое-то мировое сознание, пришедшее из других галактик, должно непременно услышать среди великого безмолвия и пустоты нашу музыку и пение. Жить после жизни – вот что неистребимо вложено в нас от сотворения! Как важно осознавать, как необходимо человеку быть уверенным в том, что такое продление себя возможно в принципе. Наверное, люди додумаются оставить после себя какое-то вечное автоматическое устройство, некий музыкальный вечный двигатель – это будет антология всего лучшего в культуре человечества.

Жизнь, смерть, любовь, сострадание и вдохновение – всё будет сказано в музыке, ибо в ней, в музыке, мы достигли наивысшей свободы, за которую боролись на протяжении всей истории, начиная с первых проблесков сознания в человеке, но достичь которой нам удалось лишь в ней.

Чингиз Торекулович Айтматов – киргизский и русский писатель

Умскул

Поймай двух зайцев!

Получи курс по итоговому сочинению и начни эффективную подготовку к ЕГЭ по русскому языку с нуля на годовом курсе

1. Прочитаем более 32 универсальных произведений для ИС с сентября по декабрь
2. Получишь удобную шпаргалку для ИС в ноябре
3. Напишешь сочинения ИС в ДЗ с проверкой!
4. Каждый месяц до ИС будут файлы с дополнительными произведениями и их разбором + файлы сочинений на 5/5 с реального ИС прошлого года
5. Параллельно подготовке к ИС будем изучать ЕГЭ — за сентябрь-ноябрь изучим ВСЮ орфографию и пунктуацию (№9-21)

https://www.youtube.com/@umsch_r

https://t.me/dolgih_rus

Для записи переходи сюда

Текст 6. Д.С. Лихачёв «Письма о добром и прекрасном» (№41)

Мы заботимся о своём здоровье и здоровье других, следим за правильным питанием, за тем, чтобы воздух и вода оставались чистыми, незагрязненными. Загрязнение среды делает человека больным, угрожает его жизни, грозит гибелью всему человечеству. Всем известны те гигантские усилия, которые предпринимаются нашим государством, отдельными странами, учёными, общественными деятелями, чтобы спасти от загрязнения воздух, водоемы, моря, реки, леса, чтобы сохранить животный мир нашей планеты, спасти становища перелетных птиц, лежбища морских животных. Человечество тратит миллиарды и миллиарды не только на то, чтобы не задохнуться, не погибнуть, но чтобы сохранять также ту окружающую нас природу, которая даёт человеку возможность эстетического и нравственного отдыха. Целительная сила окружающей природы хорошо известна.

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией. Но экология не должна замыкаться только задачами сохранения окружающей нас биологической среды. Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, следованию заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности. Между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, но и не поставлен. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние на человека всей культурной среды в её целом, её воздействующая сила.

А ведь факт воспитательного воздействия на человека окружающей культурной среды не подлежит ни малейшему сомнению.

За примерами ходить недалеко. После войны в Ленинград вернулось не более 20 процентов его довоенного населения, а тем не менее вновь приехавшие в Ленинград быстро приобрели те четкие «ленинградские» черты поведения, которыми по праву гордятся ленинградцы. Человек воспитывается в окружающей его культурной среде незаметно для себя. Его воспитывает история, прошлое. Прошлое открывает ему окно в мир, и не только окно, но и двери, даже ворота – триумфальные ворота. Жить там, где жили поэты и прозаики великой русской литературы, жить там, где жили великие критики и философы, ежедневно впитывать впечатления, которые так или иначе получили отражение в великих произведениях русской литературы, посещать квартиры-музеи – значит, постепенно обогащаться духовно.

Улицы, площади, каналы, отдельные дома, парки напоминают, напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что в свою очередь нужно будет для его потомков. Прошлое и будущее становятся

своими для человека. Он начинает учиться ответственности – нравственной ответственности перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего, которым прошлое будет не менее важно, чем нам, а может быть, с общим подъёмом культуры и умножением духовных запросов, даже и важнее. Забота о прошлом есть одновременно и забота о будущем...

Любить свою семью, свои впечатления детства, свой дом, свою школу, своё село, свой город, свою страну, свою культуру и язык, весь земной шар необходимо, совершенно необходимо для нравственной оседлости человека. Человек – это не степное растение перекати-поле, которое осенний ветер гонит по степи.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саде, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране.

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов первой, убить человека нравственно может несоблюдение законов второй. Но есть большое различие между экологией природы и экологией культуры. Это различие не только велико – оно принципиально существенно.

До известных пределов утраты в природе восстановимы. Можно очистить загрязнённые реки и моря; можно восстановить леса, поголовье животных и пр. Конечно, если не перейдена известная грань, если не уничтожена та или иная порода животных целиком, если не погиб тот или иной сорт растений. Природа при этом сама помогает человеку, ибо она «живая». Она обладает способностью к самоочищению, к восстановлению нарушенного человеком равновесия. Она залечивает раны, нанесённые ей извне: пожарами, или вырубками, или ядовитой пылью, газами, сточными водами...

Совсем иначе с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой в прошлом, с определёнными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. И он совершенно беззащитен, он не восстановит самого себя.

Мы не должны возлагать полную ответственность за небрежение к прошлому на других или просто надеяться, что сохранением культуры прошлого занимаются специальные государственные и общественные организации и «это их дело», не наше. Мы сами должны быть интеллигентны, культурны, воспитанны, понимать красоту и быть добрыми – именно добрыми и благодарными нашим предкам, создававшим для нас и наших потомков всю ту красоту, которую не кто-либо другой, а именно мы не умеем порой опознать, принять в свой нравственный мир, хранить и деятельно защищать. Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живёт. Он не должен быть самоуверен и нагл

в отвержении культуры прошлого без разбора и «суда».

Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении культуры.

Ответственны за всё мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении.

Лихачёв Дмитрий Сергеевич – русский литературовед, филолог, общественно-политический деятель

Место для записей

Текст 7. В.Ф. Тендряков «Покушение на миражи»

Щемит сердце, хоть кричи... Сева – наш сын, единственный сын в благополучной семье. Я держу в руках фотографию, которую сделал несколько лет назад на нашей даче: там ему двенадцать, у него светлые волосы, аккуратная чёлка, открытый ясный взгляд. Милый, ласковый, домашний мальчик, послушный, почти отличник. Нам было так хорошо вместе в то лето!

Но для подростка наступает такое время, когда каждая семья начинает казаться ему неблагополучной. Каждая, даже самая идеальная! В её рамках становится тесно, внешний мир манит к себе, опека матери и отца угнетает, хочется свободы и самостоятельности. Становление человека неизбежно создаёт этот неисключительный кризис, у одних он проходит незаметно, у других перерастает в трагедию. Сева стал чаще пропадать из дома...

Он отпустил волосы, наотрез отказался стричься, сразу утратил ухоженный домашний вид. В какой-то женской кофте с бубенчиками, в потёртых, с бахромой внизу джинсах, с неопрятными жиденькими косицами, падающими на плечи, – странная, однако, забота о собственной внешности: стараться не нравиться другим, походить на огородное пугало. Наш сын...

Вряд ли он ждал, что мы станем умиляться, но наше недоумение, досаду, презрительность воспринимал болезненно, стал повышенно раздражительным. Теперь любая мелочь выводила его из себя: неодобрительный взгляд, горькая ухмылка на моём лице, просьба матери вынести мусорное ведро – всё воспринималось как посягательство на его достоинство. И самые простенькие вопросы для него вырастали в мучительнейшие проблемы – праздновать или не праздновать дома день рождения, ехать ли вместе с классом на экскурсию в Коломенское, просить ли у матери денег на покупку новой пластинки?

Сакраментальный конфликт отцов и детей родился не вчера. «Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодёжь завтра возьмёт в свои руки бразды правления, ибо эта молодёжь невыносима, невыдержанна, просто ужасна». Эти слова произнёс Гесиод ещё в VII веке до нашей эры. Но отцам последующих поколений от столь древнего признания легче не становилось.

Владимир Фёдорович Тендряков – русский советский писатель

Место для записей

Текст 8. А.П. Чехов «В аптеке»

Был поздний вечер. Домашний учитель Егор Алексеич Свойкин, чтобы не терять попусту времени, от доктора отправился прямо в аптеку.

За жёлтой, лоснящейся конторкой стоял высокий господин с солидно закинутой назад головой, строгим лицом и с выхоленными бакенами, по всем видимостям провизор. Начиная с маленькой плеши на голове и кончая длинными розовыми ногтями, всё на этом человеке было старательно вытюжено, вычищено и словно вылизано. Нахмуренные глаза его глядели свысока на газету, лежавшую на конторке. Он читал.

Свойкин подошёл к конторке и подал вытюженному господину рецепт. Тот, не глядя на него, взял рецепт, дочитал в газете до точки и, сделавши лёгкий полуоборот головы направо, пробормотал:

– Через час будет готово.
– Нельзя ли поскорее? – спросил Свойкин. – Мне решительно невозможно ждать.

Провизор не ответил. Свойкин опустился на диван и принялся ждать.

Свойкин был болен. Во рту у него горело, в ногах и руках стояли тянущие боли, в отяжелевшей голове бродили туманные образы, похожие на облака и закутанные человеческие фигуры. Разбитость и головной туман овладевали его телом всё больше и больше, и он, чтоб подбодрить себя, решил заговорить с провизором.

– Должно быть, у меня горячка начинается. Ещё счастье моё в том, что я в столице заболел! Не дай бог этакую напасть в деревне, где нет докторов и аптек!

Провизор на обращение к нему Свойкина не ответил ни словом, ни движением, словно не слышал.

Не получив ответа на свой вопрос, Свойкин принялся рассматривать строгую, надменно-ученую физиономию провизора.

«Странные люди, ей-богу! – подумал он. – В здоровом состоянии не замечаешь этих сухих, чёрствых физиономий, а вот как заболеешь, как я теперь, то и ужаснёшься, что святое дело попало в руки этой бесчувственной утюжной фигуры».

– Получите! – вымолвил провизор наконец, не глядя на Свойкина. – Внесите в кассу рубль шесть копеек!
– Рубль шесть копеек? – забормотал Свойкин, конфузясь. – А у меня только всего один рубль... Как же быть-то?
– Не знаю! – отчеканил провизор, принимаясь за газету.

– В таком случае вы извините... Шесть копеек я вам завтра занесу или в конце концов пришлю.
– Этого нельзя! Сходите домой, принесите шесть копеек, тогда и лекарства полу́чите!

Свойкин вышел из аптеки и отправился к себе домой. Пока учитель добирался до своего номера, он садился отдыхать раз пять. Придя к себе и найдя в столе несколько медных монет, он присел на кровать отдохнуть. Какая-то сила потянула его голову к подушке. Он прилёг, как бы на минутку. Туманные образы в виде облаков и закутанных фигур стали заволакивать сознание. Долго он помнил, что ему нужно идти в аптеку, долго заставлял себя встать, но болезнь взяла своё. Медяки высыпались из кулака, и больному стало сниться, что он уже пошёл в аптеку и вновь беседует там с провизором.

Антон Павлович Чехов – выдающийся русский писатель, классик мировой литературы

Место для записей

Текст 9. Д.С. Лихачёв «Письма о добром и прекрасном» (№6)

Когда человек выбирает себе в жизни какую-то цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно даёт себе оценку. По тому, ради чего человек живёт, можно судить и о его самооценке, низкой или высокой.

Если человек рассчитывает приобрести материальные блага, то он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура...

Если человек живёт, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезнях, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой своей человечности. Он ставит себе цель, достойную человека.

Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить настоящую радость. От ошибок никто не застрахован. Но самая главная ошибка – неправильно выбранная главная задача в жизни: это ошибка роковая. Не повысили в должности – огорчение. Не успел купить марку для своей коллекции – огорчение. У кого-то лучшая мебель или машина – опять огорчение. Ставя себе задачей карьеру или приобретательство, человек испытывает гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять всё. А что может потерять человек, который радовался каждому своему доброму делу? Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было его внутренней потребностью. Поэтому главная жизненная задача не должна быть замкнута только на собственных удачах. Она должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей вселенной.

Означает ли это, что человек должен жить как аскет, не заботясь о себе, ничего не приобретать и не радоваться повышению в должности? Отнюдь нет!

Человек, который совсем не думает о себе, – явление ненормальное: в этом есть какое-то показное преувеличение своей доброты и бескорыстия.

Поэтому речь идёт лишь о главной жизненной задаче. А её не надо подчёркивать в глазах остальных людей. И одеваться можно хорошо, но не обязательно лучше других. И библиотеку нужно составлять, но не обязательно большую, чем у соседа. И машину хорошо приобрести. Только не надо второстепенное превращать в первостепенное.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв – русский литературовед, филолог, общественно-политический деятель

Текст 10. М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Внутри дворца господствовали мрак и тишина. И внутрь прокуратор, как и говорил Афранию, уйти не пожелал. Он велел постель приготовить на балконе, там же, где обедал, а утром вёл допрос. Прокуратор лёг на приготовленное ложе, но сон не пожелал прийти к нему. Оголённая луна висела высоко в чистом небе, и прокуратор не сводил с неё глаз в течение нескольких часов.

Примерно в полночь сон наконец сжалился над игемоном. Судорожно зевнув, прокуратор расстегнул и сбросил плащ, снял опоясывающий рубаху ремень с широким стальным ножом в ножнах, положил его в кресло у ложа, снял сандалии и вытянулся. Банга поднялся к нему на постель и лёг рядом, голова к голове, и прокуратор, положив собаке руку на шею, закрыл наконец глаза. Только тогда заснул и пёс.

Ложе было в полутьме, закрываемое от луны колонной, но от ступеней крыльца тянулась к постели лунная лента. И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошёл по ней вверх прямо к луне. Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того всё сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге. Он шёл в сопровождении Банги, а рядом с ним шёл бродячий философ. Они спорили о чём-то очень сложном и важном, причём ни один из них не мог победить другого. Они ни в чём не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением – ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шёл рядом, следовательно, он был жив.
И, конечно, совершенно ужасно было бы даже помыслить о том, что такого человека можно казнить. Казни не было! Не было! Вот в чём прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны.

Свободного времени было столько, сколько надобно, а гроза будет только к вечеру, и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ,
я тебе возражаю: это самый страшный порок.

Вот, например, не струсил же теперешний прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в долине дев, когда яростные германцы чуть не загрызли Крысобоя-великана. Но, помилуйте меня, философ. Неужели вы, при вашем уме, допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудеи?

– Да, да, – стонал и всхлипывал во сне Пилат.

Разумеется, погубит. Утром бы ещё не погубил, а теперь, ночью, взвесив всё, согласен погубить. Он пойдёт на всё, чтобы спасти от казни решительно ни в чём не виноватого безумного мечтателя и врача!

Универсальные произведения для ИС

– Мы теперь будем всегда вместе, – говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом вставший на дороге всадника с золотым копьём.

– Раз один – то, значит, тут же и другой! Помянут меня, – сейчас же помянут и тебя! Меня – подкидыша, сына неизвестных родителей, и тебя – сына короля-звездочёта и дочери мельника, красавицы Пилы.
– Да, уж ты не забудь, помяни меня, сына звездочета, – просил во сне Пилат. И, заручившись во сне кивком идущего рядом с ним нищего из Эн-Сарида, жестокий прокуратор Иудеи от радости плакал и смеялся во сне.

Всё это было хорошо, но тем ужаснее было пробуждение игемона. Банга зарычал на луну, и скользкая, как бы укатанная маслом, голубая дорога перед прокуратором провалилась. Он открыл глаза, и первое, что вспомнил, – это что казнь была. Первое, что сделал прокуратор, – это привычным жестом вцепился в ошейник Банги, потом больными глазами стал искать луну и увидел, что она немного отошла в сторону и посеребрилась.

Михаил Афанасьевич Булгаков – русский писатель и драматург

Место для записей